

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-109-112

УДК 343.1

К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста

Е. Л. ХАРЬКОВСКИЙ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. ПАЛЬЧИКОВА – преподаватель кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок применения домашнего ареста. В частности, рассматриваются сущность, порядок, условия избрания данной меры пресечения. Уделяется внимание вопросам установления дополнительных запретов и ограничений при избрании меры пресечения, зачету срока исполнения домашнего ареста в срок содержания под стражей. Делаются выводы по вопросам законодательного закрепления некоторых положений УК РФ в нормах УПК РФ для согласования зачета срока домашнего ареста, по условиям более эффективного использования домашнего ареста и контроля за лицами, в отношении которых избрана такая мера пресечения.

Ключевые слова: уголовный процесс; мера пресечения; домашний арест; подозреваемый; обвиняемый.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Харьковский Е. Л., Пальчикова Н. В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 109–112, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-109-112.

On the issue of legal regulation of house arrest

E. L. KHARKOVSKY – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor;

N. V. PALCHIKOVA – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Administrative Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article analyzes the norms of criminal procedural legislation regulating execution of house arrest. In particular the author considers the essence, procedure, conditions for choosing this preventive measure. Attention is paid to the issues of establishing additional prohibitions and restrictions when choosing a preventive measure, offsetting the period of execution of house arrest in the period of detention. Conclusions are drawn on the issues of legislative consolidation of some provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to agree on the offset of the term of house arrest, on the terms of more effective use of house arrest and control over persons if whom such a measure of restraint has been chosen.

Key words: criminal procedure; preventive measure; house arrest; suspect; accused.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Kharkovsky E. L., Palchikova N. V. On the issue of legal regulation of house arrest. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 109–112, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-109-112.

Первоначально одной из самых сложных проблем в регулировании института домашнего ареста выступала проблема зачета срока использования домашнего ареста в срок содержания под стражей, которую впоследствии российский законодатель разрешил. Однако актуальность данной проблемы усилилась после того, как в июле 2018 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». В результате компетентные судебные органы стали использовать запрет на конкретные действия (например, запрет на общение с определенными гражданами) в пределах определенного срока.

Ввиду вышесказанного законодателем планировалось сформулировать общее правило, согласно которому период использования запрета на конкретные действия в отношении гражданина, обладающего уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, в срок содержания под стражей не входит.

В настоящее время срок реализации домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения подлежит зачету в срок содержания под стражей, и на основании уголовно-правовых норм, в частности ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, период пребывания конкретного гражданина под домашним арестом на этапе досудебного производства по уголовному делу засчитывается в срок содержания под стражей и в срок лишения свободы (порядок расчета следующий: два дня домашнего ареста приравниваются к одному дню содержания под стражей/лишения свободы).

Период использования запрета на конкретные действия, по общему правилу, не входит в срок содержания под стражей и в каждой ситуации не подлежит зачету при принятии решения об уголовно-правовом наказании в виде лишения свободы. Исключения образуют ситуации, при которых устанавливается запрет на выход в конкретное время суток за границы жилища, в котором гражданин проживает и которым владеет на праве собственности, в соответствии с заключенным договором найма, на других основаниях, предусмотренных положениями гражданского законодательства¹.

Отметим, что российский законодатель, предусмотрев в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ положение о зачете времени нахождения под домашним арестом в срок содержания лица под стражей из расчета два дня нахождения

под домашним арестом за один день содержания под стражей, не учел аналогичных правил о расчетах в УПК РФ, хотя, на наш взгляд, этого требует содержание п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ.

Следует отметить, что анализ практической деятельности² подтверждает, что при решении вопроса об избрании домашнего ареста, как правило, гражданин, наделенный уголовно-процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), а также его адвокат не стремятся оспорить решение компетентного судебного органа, в отличие от использования заключения под стражу и запрета на совершение конкретных действий как более мягкой меры уголовно-процессуального пресечения, ибо период пребывания под домашним арестом подлежит зачету в предполагаемое уголовно-правовое наказание в форме лишения свободы. Запрет на совершение конкретных действий не способен предоставить такие уголовно-процессуальные привилегии.

Оформляя решение об установлении конкретных запретов и ограничений при избрании домашнего ареста, компетентный судебный орган учитывает тяжесть обвинения, личность лица, в отношении которого избирается мера пресечения, обстоятельства и условия, способствующие реализации домашнего ареста. Кроме того, судебный орган обладает правом закрепить для гражданина, обладающего уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, все запреты и ограничения, закрепленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, или лишь некоторые из них.

При этом компетентный судебный орган самостоятельно решает вопросы о том, в каком именно месте должен пребывать гражданин, наделенный уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, в период действия домашнего ареста; срок действия данной меры уголовно-процессуального пресечения; запреты, которые закрепляются для гражданина, наделенного уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого; способы коммуникаций с должностным лицом, которое расследует конкретное уголовное дело (следователь или дознаватель), а также государственным органом власти, реализующим контроль за надлежащим выполнением.

Мы солидарны с правоведами, которые считают, что домашний арест, расположенный в перечне мер уголовно-процессуального пресечения на стыке заключения под

стражу, в первую очередь должен гарантировать изоляцию гражданина, признанного в установленном порядке подозреваемым или обвиняемым, не в изоляторе, а жилище; при этом такой гражданин должен пребывать в жилище на постоянной, а не временной основе³.

В связи со сказанным представляется необходимым скорректировать ч. 1 ст. 107 УПК РФ, в частности предусмотреть в данной норме, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции в жилище и при этом право на выход за его пределы у него отсутствует. Это позволит более четко отразить позицию законодателя и практиков относительно запрета на выход из дома в случае применения домашнего ареста. Безусловно, при внесении такой законодательной новеллы положение о допустимости нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно сохраниться.

На наш взгляд, установление правовой возможности выхода для осуществления трудовой деятельности, участия в учебном процессе по факту не позволяет отстранить гражданина от общества, в результате чего обесценивается само значение института домашнего ареста. Компетентному судебному органу при оформлении решения об использовании в отношении гражданина, признанного в установленном законодательством порядке подозреваемым или обвиняемым, домашнего ареста нужно принимать во внимание специфику жилища такого гражданина, а также то, что срок пребывания под домашним арестом подлежит зачету.

При определении эффективности использования домашнего ареста значимым выступает вопрос о гарантиях надзора за конкретным гражданином, обладающим уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, со стороны специального государственного органа, коим является уголовно-исполнительная инспекция. Такой орган должен находиться по месту расположения жилища такого гражданина. Данный контроль служит важнейшей юридической гарантией для заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства.

Для реализации более качественного и детального контроля за гражданином в месте использования домашнего ареста контролирующий государственный орган может прибегнуть к электронным, техническим

механизмам. При этом должны соблюдаться правила, закрепленные в постановлении Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134. Одной из главных задач применения определенных технических механизмов выступает отслеживание того места, где находится в конкретное время гражданин, имеющий уголовно-процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

Необходимо понимать, что для полноценного контроля этого недостаточно, так как требуются аудиовизуальные механизмы. При этом существующий уровень электронных механизмов не способен всецело обеспечить контроль за надлежащим соблюдением запрета, если он связан с невозможностью выхода в Интернет. Ведь ни одно должностное лицо не может с полной уверенностью говорить о том, что у конкретного гражданина, пребывающего в условиях домашнего ареста, нет доступа к электронным механизмам, о которых не были проинформированы компетентные следственные органы и их должностные лица. Ввиду этого в отношении такого гражданина используется не одна конкретная разновидность технического механизма, а целая их система.

Обратим внимание на то, что ряд зарубежных государств значительно опережает Россию в части технического обеспечения использования домашнего ареста как разновидности меры уголовно-процессуального пресечения⁴.

Считаем, что развитие технических механизмов должно улучшать условия для осуществления контроля за надлежащей реализацией домашнего ареста гражданином, для которого он был избран. Это важно для современной системы уголовного процесса, поскольку, несмотря на порождаемые домашним арестом большие правоограничения, данная мера уголовно-процессуального пресечения является достаточно гуманной, мягкой в сравнении с содержанием под стражей.

Таким образом, необходимо обозначить следующие выводы.

Правило о зачете времени нахождения под домашним арестом гражданина в срок содержания его под стражей из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей закреплено в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ. Однако аналогичных положений в УПК РФ не внесено. Для согласования норм УК РФ и УПК РФ предлагаем изложить п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в следующей редакции: «домашнего ареста

из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей».

Полагаем целесообразным отредактировать законодательную формулировку ч. 1 ст. 107 УПК РФ, поскольку, по нашему мнению, в ней недостаточно четко отражается позиция законодателя и правоприменителей относительно отсутствия у гражданина, находящегося под домашним арестом, права на выход из жилого помещения. Представляется, что запрет на выход за пределы жилого помещения – это основная особенность домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения, поэтому она должна прямо называться в ч. 1 ст. 107 УПК РФ.

Безусловно, в случае данного обновления правило о возможности нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно остаться, поскольку иное противоречило бы конституционным нормам о преимуще-

ственном положении жизни и здоровья человека в системе законодательных ценностей в России как правовом и демократическом государстве.

На наш взгляд, ч. 1 ст. 107 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с запретом на выход за его пределы, с возложением иных запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Власенко В. В. Возможен ли зачет времени домашнего ареста в срок лишения свободы? (Вопросы судебного толкования) // Рос. судья. 2018. № 12. С. 24.

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1209/2019 от 28.06.2019 по делу № 22-1209/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/ҮHQh2GW8yog4/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1124/2019 от 27.06.2019 по делу № 22-1124/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/9xcHkHprSO6b/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1121/2019 от 25.06.2019 по делу № 22-1121/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/poQpUdQUioZY/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1113/2019 от 25.06.2019 по делу № 22-1113/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/x6mCNOSUbiJt/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1117/2019 от 24.06.2019 по делу № 22-1117/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/SrxhhHza2ju/ (дата обращения: 04.03.2021).

³ Толкаченко А. А. Некоторые практические вопросы зачета мер пресечения в срок уголовного наказания // Мировой судья. 2019. № 11. С. 28.

⁴ Вастьянова О. Д. Актуальные проблемы судебной практики применения запрета определенных действий // Рос. следователь. 2019. № 9. С. 19.

¹ Vlasenko V. V. Vozmozhen li zacet vremeni domashnego aresta v srok lisheniya svobody? (Voprosy` sudebnogo tolkovaniya) // Ros. sud`ya. 2018. № 12. S. 24.

² Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1209/2019 ot 28.06.2019 po delu № 22-1209/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/ҮHQh2GW8yog4/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1124/2019 ot 27.06.2019 po delu № 22-1124/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/9xcHkHprSO6b/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1121/2019 ot 25.06.2019 po delu № 22-1121/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/poQpUdQUioZY/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1113/2019 ot 25.06.2019 po delu № 22-1113/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/x6mCNOSUbiJt/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1117/2019 ot 24.06.2019 po delu № 22-1117/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/SrxhhHza2ju/ (data obrashheniya: 04.03.2021).

³ Tolkachenko A. A. Nekotory`e prakticheskie voprosy` zacheta mer presecheniya v srok ugovnogo nakazaniya // Mirovoj sud`ya. 2019. № 11. S. 28.

⁴ Vast`yanova O. D. Aktual`ny`e problemy` sudebnoj praktiki primeneniya zapreta opredelenny`x dejstvij // Ros. sledovatel`. 2019. № 9. S. 19.